

ЕВГЕНИЯ ТЕРСКАЯ КООРДИНАТА НОЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ
В ТОЧКЕ, ГДЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ЕЩЁ НЕТ?

18+

Евгения Терская

Координата ноль

«Автор»

2026

Терская Е.

Координата ноль / Е. Терская — «Автор», 2026

Земля погибла. Города исчезли, а человечество перебралось на орбитальные станции, Луну, Марс и спутники Юпитера. Ресурсы на исходе, и будущее цивилизации выглядит всё мрачнее. Пока профессор Алексей Дементьев и его ученик Себастиан Кирк не обнаруживают, что время — это плотная физическая материя. Они создают «Бур» — устройство, способное бурить временные пласты и добывать энергию невообразимой мощности. Для умирающего человечества это становится последним шансом. Но если время материально, его можно не только бурить. Можно задать любую координату. Например, точку, где зародилась Вселенная. И пока на станции «Юпитер-4» идут обычные дела — кто-то забыл очки, кто-то пришёл на кофе, а планетолог ругается из-за сбитой калибровки телескопа, — Кирк задаёт Буре новую координату. Координата Ноль задана. Но то, что ждёт экипаж по ту сторону времени, окажется страшнее любой чёрной дыры.

© Терская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

МИР «КООРДИНАТЫ НОЛЬ»	5
1. Закат Земли	5
2. Орбитальная Цивилизация	6
3. Великая Надежда: Открытие Дементьева-Кирка	7
4. Побочный эффект: Рождение Энергии	8
ПРОЛОГ. Про космос и сырники	9
АКТ I: «Вырезанный отсек»	13
Глава 1. Константы и вибрация	13
Глава 2. Точка резонанса	18
Гла	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Евгения Терская

Координата ноль

МИР «КООРДИНАТЫ НОЛЬ»

1. Закат Земли

Действие романа разворачивается в далёком будущем. Земля — древняя колыбель человечества — практически погибла. В результате масштабной глобальной катастрофы прошлого были уничтожены экосистемы, вымерло подавляющее большинство видов животных и растений, а гибель сотен миллионов людей поставила цивилизацию на грань полного исчезновения.

Сейчас на полумёртвой Земле остался лишь небольшой контингент — в основном экологи, биологи и учёные-энтузиасты, которые отчаянно пытаются реанимировать умирающую биосферу родной планеты.

2. Орбитальная Цивилизация

Основная масса выжившего человечества переселилась в глубокий космос, основав сеть автономных исследовательских и жилых станций:

Луна— научные базы и обсерватории (именно отсюда старший сын профессора Дементьева, 45-летний астрофизик Александр, всматривается в бездну в поисках экзопланет для переселения);

Марс— промышленные и жилые купола;

Спутники Юпитера (Ио, Европа, Каллисто)— форпосты добычи ресурсов, агрокомплексов и фундаментальных физических экспериментов.

Человечество научилось выживать в металле, но оно замкнуто в тесных герметичных отсеках, лишено настоящего неба и живёт в постоянном страхе перед окончательным угасанием.

3. Великая Надежда: Открытие Дементьева-Кирка

В этом тонущем мире фундаментальный прорыв профессора Алексея Дементьева и его лучшего ученика Себастиана Кирка стал вспышкой света.

Доказав, что **Время — это не абстрактная координата, а плотная физическая материя**, они разработали технологию «бурения времени» и сконструировали Волновой Генератор (Бур) — устройство, способное генерировать волны разной длины и спектра. Это открытие дало человечеству не просто научный инструмент, а **надежду на спасение Земли и сохранение вида**.

4. Побочный эффект: Рождение Энергии

У технологии бурения времени обнаружилась ещё одна фундаментальная особенность: в момент прокола и резонанса временных пластов Волновой Генератор провоцирует **выброс энергии невообразимой, почти божественной мощности**.

Именно эта колоссальная энергия сделала технологию главным ключом к спасению цивилизации, способным обеспечить питанием умирающие города и базы.

Однако когда профессор Алексей Дементьев впервые зафиксировал этот феномен на приборах, он замер и с тихой тревогой произнёс полужутливую, но пророческую фразу:

«Это как будто Большой Взрыв прогремел... Может, мы так и Вселенную создали?»

Тогда никто из присутствующих не понял, насколько буквальным окажется его предсказание. Именно поэтому к испытаниям Волнового Генератора на станции у Юпитера приковано внимание всего рассеянного по системе человечества — ведь на карту поставлено абсолютно всё.

ПРОЛОГ. Про космос и сырники

Станция «Юпитер-4» парила над полосатой громадой газового гиганта, как драгоценный камень в оправе из металла и света.

Десятиэтажная сфера, опоясанная ажурными кольцами радиаторов и противоастероидным щитом, была вершиной инженерной и научной мысли человечества. В её недрах кипела жизнь, которую невозможно было представить на полумёртвой Земле, где доживали свой век последние экологи и учёные-энтузиасты.

Здесь были лаборатории — десятки лабораторий, где физики, биологи, инженеры и химики работали над будущим. Огромная гидропонная ферма снабжала станцию свежей зеленью, а оранжерея Франсуа — уникальными растениями, которые он выращивал с любовью и упрямством, достойным лучших садовников Земли. Современный инженерный цех позволял ремонтировать и создавать оборудование, которое обеспечивало жизнеспособность всей станции. А панорамные окна экваториального этажа открывали вид на Юпитер — величавый, равнодушный, гипнотизирующий.

Но сердцем «Юпитер-4» было другое.

В самом центре экваториального этажа, в герметичном буровом отсеке, возвышался Волновой Генератор — девятиметровый стальной цилиндр, который все называли просто Буром.

Он был вершиной. Точкой, где наука встречалась с чудом.

Бур был спроектирован и построен тремя людьми.

Екатерина Дементьева — главный инженер проекта. Она знала каждый болт, каждый силовой кабель, каждую микротрещину в его обшивке. Она собирала его по чертежам, которые выходили из-под пера её отца, профессора Алексея Дементьева. Для неё Бур был не машиной — он был продолжением семьи.

Сергей Данилов — её правая рука. Инженер, который мог починить всё, что угодно, и который лез под панели с упрямством бульдога. Он не любил говорить о теориях — он любил делать. И делать так, чтобы работало.

Йен Маккензи — физик-теоретик, сводный брат Кэт. Тот, кто переводил безумные идеи своего отца и Себастиана Кирка в математику, которую можно было воплотить в железе. Его формулы стали душой Бура.

Они сделали невозможное. Они взяли открытие, которое сулило человечеству новую эру, и превратили его в реальность.

Открытие, которое изменило всё.

Профессор Алексей Дементьев и его ученик Себастиан Кирк доказали невероятное: Время — это не абстрактная координата, а плотная физическая материя. Оно существует, оно осязаемо, оно поддаётся воздействию. Они разработали технологию «бурения времени» — способ проходить сквозь временные пласты, добывая энергию, которая казалась почти божественной.

Эта энергия дала человечеству надежду. На восстановление Земли. На освоение новых миров. На спасение вида, который едва не погиб в огне техногенной катастрофы, уничтожившей экосистемы и сотни миллионов людей.

Бур стал ключом к будущему.

И теперь, на орбите Юпитера, готовился очередной тестовый запуск. Обычная проверка. Рутинная процедура. Никто не знал, что через несколько часов этот девятиметровый стальной цилиндр вырвет из реальности шестерых человек и двух андроидов, отправив их в точку, где времени ещё не существовало.

Но пока — на станции было утро.

Утро, пахнущее озоном и свежим хлебом из кухонного автомата.

В каюте Сергея царил идеальный порядок. На полках стояли аккуратные ряды книг — старых, бумажных, которые он собирал по всему космосу. На стене висели фотографии.

Вот Сергей, Кэт и Йен перед Буром. Они только что официально завершили сборку, и на лицах у всех — торжественные, чуть уставшие улыбки. Гордость, смешанная с облегчением.

Вот Сергей с Кэт в кают-компании. Их сфотографировала Жюли. Они сидят за столом, пьют кофе, смеются. Тогда они никак не могли договориться насчёт охлаждения Бура. Сначала спорили — горячо, почти до крика, — а потом Сергей вдруг рассказал анекдот, чтобы разрядить обстановку. Кэт смеялась до слёз. И Жюли успела поймать этот момент.

Вот Сергей с Гошей. Они стоят почти в обнимку. Сергей нежно любит робота — не как машину, а как друга, как брата, которого он сам создал из старых запчастей и упрямой любви к технике. Гоша, коренастый, сварной, с янтарными датчиками, выглядит рядом с ним почти как живой. Сергей ушил свой старый комбез и отдал ему.

— Нечего голым винтиками светить, — смеялся он тогда. — Устроил тут панк-эротику на станции.

Гоша носил комбез с достоинством. И, кажется, даже гордился им.

Сейчас Сергей сидел за столом и собирал модель самолёта.

Он никогда не видел такие устройства вживую — на Земле они остались больше полувека назад, когда планета ещё была жива. Но он смотрел старые фильмы, записанные на плёнку, и влюбился в эти конструкции — хрупкие, негерметичные, такие несовершенные и такие красивые.

По схемам, которые нашёл ГОША в архивах станции, он пытался сделать небольшую точную копию. Крылья уже были готовы, фюзеляж почти собран. Сергей аккуратно затягивал крошечный винтик, прищурившись и высунув кончик языка от усердия.

— Ещё чуть-чуть, — пробормотал он. — И полетит.

В каюте Кэт было тихо и уютно. Она стояла у маленькой кухонной панели и смотрела, как на разогретой пластине шипят и подрумяниваются сырники. Старый бабушкин рецепт, переписанный на обрывок бумаги, который она хранила в ящике.

— Ну, ещё чуть-чуть, — прошептала она, переворачивая последний.

И на секунду ей показалось, что она уже делала это движение тысячу раз. Не просто «когда-то в прошлом», а именно тысячу — будто каждый её день был копией предыдущего. Она тряхнула головой, прогоняя странную мысль. «Просто устала», — сказала она себе, но пальцы на мгновение замерли над пластиной, словно ждали другого приказа.

В контейнере уже лежала стопка золотистых, пышных, с хрустящей корочкой. Рядом — баночки с синтетической сметаной и малиновым вареньем. Кэт знала, что Жюли обожает сырники. И знала, что её муж Франсуа сейчас дежурит в оранжерее.

Она накрыла контейнер салфеткой, сунула под мышку баночки и вышла в коридор.

Дверь каюты Жюли была приоткрыта. Кэт заглянула внутрь — пусто. На кровати валялся забытый планшет, а на столике стояла чашка с остывшим кофе.

Она поставила контейнер на столик, аккуратно разложила сметану и варенье, накрыла всё салфеткой и тихо вышла, прикрыв дверь.

В главном техническом коридоре станции бесшумно парила Люси.

Её обтекаемый белый корпус с серебристыми вставками плавно скользил над полом на антигравитационной подушке. Вертикальная световая прорезь на «лице» мягко пульсировала тёплым янтарным светом — режим сканирования, диагностики, наблюдения.

Она была медицинским ассистентом, помощником психолога и диагностом. Её задача — следить за состоянием экипажа, фиксировать отклонения, предупреждать о перегрузках. Она знала пульс каждого, уровень кортизола, фазы сна и даже то, как часто Сергей вздыхает, когда думает о Кэт.

Она запоминала всё.

Как утром у Сергея на двенадцать процентов понизился уровень стресса — он нашёл старые чертежи и снова собирал свою модель. Как Кэт, ставя контейнер с сырниками в каюте Жюли, улыбнулась так, что у неё на две секунды участился пульс. Как у Йена, когда он объяснял Алексу физику, кожа на лбу стала чуть влажной — он волновался, но не показывал этого.

Но была одна запись, которая выделялась среди тысяч: улыбка Сергея, совпавшая с резким скачком гравитационного фона в отсеке Бур — на 0,03 процента выше нормы. Система пометила это как «шум». Люси не удалила запись. Она знала: иногда шум — это сигнал, который ещё не научились слышать.

Люси не просто фиксировала данные. Она анализировала их, сравнивала, выстраивала графики. И иногда, когда алгоритмы не давали ответа, она просто сохраняла эту информацию в отдельную папку, подписанную «шум». Хотя почему-то никогда её не удаляла.

В коридоре она встретила Сергея. Он шёл к Гоше с каким-то новым винтиком в руках, улыбаясь чему-то своему.

— Эй, Люси, ты чего здесь зависла? — спросил он, останавливаясь.

— Провожу плановый мониторинг состояния экипажа, Сергей, — голос её был ровным, бархатным, почти человеческим. — Ваш уровень стресса понизился на двенадцать процентов за последний час. Поздравляю. Это приятное изменение.

Сергей усмехнулся:

— Это всё потому, что я нашёл старые чертежи. Модель почти готова. Хочешь посмотреть?

Люси моргнула янтарным светом:

— У меня нет визуального интереса к вашему хобби. Однако я зафиксирую завершение сборки как положительный психологический триггер. Если проект будет закончен до вечера, уровень вашего дофамина может повыситься на дополнительные восемь процентов.

Сергей хлопнул её по обтекаемому корпусу так, будто она была живым существом, и пошёл дальше.

Люси проводила его взглядом датчиков. Затем развернулась и бесшумно поплыла дальше, сканируя воздух и фиксируя улыбки.

Она не чувствовала ничего. Она была машиной. Но в её протоколах уже хранилась тысяча деталей, которые она не удаляла. Словно знала, что однажды они понадобятся.

В каюте Йена и Луизы было тихо. Слышался только негромкий голос Йена, который что-то терпеливо объяснял, и вздохи двенадцатилетнего Алекса, сидевшего за столом с планшетом и учебником.

— Ну смотри, — Йен водил пальцем по схеме на экране, поправляя очки, сползающие на нос. — Это простой рычаг первого рода. Точка опоры находится между точкой приложения силы и точкой приложения нагрузки. Как качели. Понимаешь?

— Пап, — Алекс закатил глаза, — я учусь в шестом классе, а не на третьем курсе физмата. Я знаю, что такое качели. Я на них качался! В прошлом году, на Марсе, помнишь?

Йен на секунду замялся, переваривая информацию, а затем смущённо улыбнулся:

— Прости, привычка. Давай попроще. Вот представь, что ты открываешь дверь. Ты давишь на ручку — и дверь открывается. Это и есть рычаг.

— Пап, я знаю, как открывается дверь, — вздохнул Алекс, но в его голосе уже слышалась улыбка. — Ты лучше расскажи мне про Бур. Про него все говорят. Он правда может время бурить?

Йен посмотрел на сына с лёгкой грустью и гордостью одновременно — он уже видел в нём ту же ненасытную любознательность, которая когда-то привела его самого в науку.

— Бур... это сложно, Алекс. Но если хочешь, я как-нибудь расскажу тебе попроще. Когда у меня будет время.

— У тебя никогда нет времени, — грустно заметил мальчик, но тут же заулыбался: — Ладно, я сам потом разберусь. Я же сын гения.

Йен хмыкнул и потрепал его по голове.

— Ладно, пойду к дедушке, — Алекс захлопнул планшет и поднялся. — Он всегда со мной часами сидит, а ты всё занят.

Йен усмехнулся, глядя на сына:

— Дедушки всегда внуков любят больше, чем своих детей.

— Папа, да ты завидуешь! — хохотнул Алекс.

— Нет, я констатирую абсолютный факт, — улыбнулся Йен. — Передай дедушке, что мы с мамой хотим к нему заглянуть вечером, после отбоя. Крёстная мама прислала бутылочку отличного ежевичного вина.

— А как же я? — обиженно спросил Алекс.

— А вы, молодой человек, ещё слишком малы. И тебе завтра в школе сдавать экзамен. Так что готовься.

Йен потрепал сына по макушке и неожиданно, мягко, почти робко, поцеловал его в лоб. Алекс на мгновение замер, ощутив эту редкую, почти забытую нежность отца. Сердце мальчика дрогнуло, и он вдруг снова почувствовал себя маленьким мальчиком, каким был несколько лет назад, когда отец ещё умел находить для него время.

— Ну ладно тебе, пап, — смущённо пробормотал Алекс, пряча улыбку. — Я пошёл к дедушке.

Он выскользнул из каюты, а Йен ещё долго смотрел на закрывшуюся дверь, думая о том, что его сын растёт слишком быстро. И что он слишком редко его целует.

А в оранжерее Франсуа было тепло и влажно. Он поливал редкие растения и тихо ругался на синтетический грунт, который никак не хотел держать влагу.

— Ну как так можно? — ворчал он, стряхивая капли с листьев. — В лабораториях на Марсе они росли как сумасшедшие. А тут — капризничают. Только и ждут, чтобы я отошёл на минуту.

Он вздохнул, вытер пот со лба и посмотрел на часы. Скоро вернётся Жюли. И он соврёт ей, что ничего не ел, хотя контейнер с сырниками уже стоял в его каюте, и он даже не удержался — съел два.

«Ну, она же хотела, чтобы я попробовал», — успокоил он себя.

Он никогда не видел Земли. Но часто видел её во сне. Он стоял посреди огромного зелёного поля, а над ним — не купол станции, а настоящее небо. И каждый раз, просыпаясь, он чувствовал, что этот сон был не про будущее, а про прошлое, которого у него никогда не было. «Наверное, это гены, — думал он. — Память предков». Но память эта была слишком яркой, слишком настоящей.

Он знал одно: если бы он когда-нибудь попал на Землю, он бы посадил там сад. Самый большой сад, который только можно представить.

Он улыбнулся этой мысли и вернулся к своим растениям.

АКТ I: «Вырезанный отсек»

Глава 1. Константы и вибрация

В своём кабинете в правом полушарии экваториального этажа Купер сидел, плотно прижавшись лбом к мягкому налобнику плоского чувствительного телескопа. Его пальцы аккуратно, до микронов, крутили маховик механической калибровки.

Прямо за огромным панорамным окном, огибавшим весь этот уровень станции, простирался Юпитер.

Он не пугал — он гипнотизировал. Его титаническая туша, словно вылепленная из слоёв охры, перламутра и кремowego воска, закручивалась в гигантские, непрерывно вальсирующие ураганы размером с целые материки. В этих кремowo-золотых пластах атмосфера жила своей непрерывной, величественной жизнью миллионы лет. Смотреть на них Купер мог часами: ты заморожен, ты не можешь оторвать глаз от этой масляной плавности газовых потоков, но где-то под рёбрами сладко и больно сжимается сердце от осознания собственных масштабов.

Десятиэтажная сфера станции «Юпитер-4» с её ажурными кольцами радиаторов и противоастероидным щитом казалась рядом с этой машиной крошечной песчинкой, случайно зацепившейся за гравитационный край титана.

Через полчаса из-за лимба гиганта должен был показаться Ганимед. Куперу нужно было сделать всего пару точных спектральных замеров по запросу Семёна Павлова — въедливого учёного с Марса, который с самого утра атаковал почту Купера истеричными письмами:

«Куп, будь человеком! Ну что тебе стоит сделать пару замеров на входе в тень? С меня бутылочка отличного марсианского виски, передам с первым же челноком!»

Марсианский виски — это вам не та паршивая, отдающая сивушным маслом сдоба, которую втихую гнал Шмидт этажом выше, на гидропонной ферме. Настоящий выдержанный напиток с Марса на «Юпитер-4» считался элитным бухлом. На этой станции, где в самом центре экваториального этажа стоял гигантский девятиметровый цилиндр Волнового Бура, редкие запуски были событием: энергия от импульса аккумулировалась на два этажа ниже, в кольцевом блоке батарей, за которыми дважды в неделю прилетали грузовые челноки.

Купер затаил дыхание, ловя тончайшую настройку матрицы...

И в этот момент под подошвами его ботинок резко дрогнул пол.

Тяжёлый низкочастотный гул прошёл обшивку: из центра отсека, где за переборкой работала Кэт, прошла волна. Инженеры запустили продувку системы охлаждения Генератора. Перекрестная вибрация от многометрового стального цилиндра мгновенно прошагала по переборкам всех десяти этажей. На экране фокус телескопа тут же «поплыл», картинка атмосферного вихря превратилась в мутную «пилу», а тонко настроенный маркер Ганимеда сорвался в край матрицы.

— Мать вашу... — выдохнул Купер, отвалившись на спинку кресла и глядя, как трёхчасовая калибровка летит к чертям. — Семён, прощай мой элитный вискарь.

Он сдёрнул с шеи защитные очки, сунул в карман привычную сигарету и вдруг замер. На миг ему показалось, что он уже делал это. Стоял здесь, в этом кабинете, с этой же сигаретой, и знал, что сейчас что-то случится. Что-то, что изменит всё. Он тряхнул головой. Чушь. Просто нервы.

— Так, — пробормотал он, решительным шагом направляясь к выходу. — Идём разбираться с инженерами.

В самом инженерном блоке витал привычный рабочий шум: тихо гудели тяжелые стойки систем охлаждения, пол едва заметно зудел под подошвами от тяжести реакторов, а в сухом воздухе стоял стойкий запах технического масла и озона.

Екатерина Дементьева — для своих просто Кэт — стояла у открытой панели Волнового Генератора, заглядывая во внутренности девятиметрового стального цилиндра. Невысокая, жилистая, с быстрыми, точными движениями. Тёмные волосы собраны в тугий пучок, из которого вечно выбиваются непослушные пряди. Серо-голубые глаза смотрели пристально и чуть настороженно, будто она постоянно сканировала пространство на предмет неисправностей. На левом запястье привычно и размеренно тикали старенькие механические часы — единственная вещь, которую она не снимала даже во сне.

Она машинально коснулась циферблата. Старые часы — подарок отца, когда она впервые отправилась на орбиту. «Время — это не цифры на экране, Катюша. Время — это ритм. Береги его», — сказал он тогда. Она не совсем понимала, что он имел в виду. Но иногда ей казалось, что часы идут не вперёд, а по кругу. Как будто время повторяется. Она отогнала эту мысль. Ерунда.

«Екатерина Алексеевна, напоминаю: до планового теста Волнового Генератора осталось два часа сорок минут,» — раздался под потолком глубокий, с лёгким эхом, басовитый голос ГОШИ. — «Давление в третьем контуре в норме. Но Серёга опять забыл затянуть гайку на масляной магистрали. Настоячиво рекомендую дать ему по шапке.»

В углу отсека у стены стоял ГОША — антропоморфный андроид, созданный Сергеем из старых запчастей и собственной упрямой любви к технике. Его корпус был грубым, сварным, покрытым царапинами и потёртостями. На металлической голове вмятины создавали подобие скул, а два янтарных датчика светились ровным, спокойным светом. Рядом с ним, на антигравитационной подушке, парила Люси — обтекаемый белый корпус с серебристыми вставками, мягкое сияние вертикальной прорези-«лица» чуть заметно пульсировало в такт её голосу.

— ГОША, я всё слышу! — из-под центрального узла установки вылез Сергей.

Коренастый, широкоплечий, с сильными, натруженными руками, которые помнили тяжесть каждого инструмента и тепло каждого болта. Тёмные, чуть выющиеся волосы взмокли от пота, на лбу красовалось чёрное пятно от масла. Он смотрел на всех с той тёплой, чуть ленивой улыбкой, которая появлялась у него всякий раз, когда вылезал из тесного пространства.

— Всё там затянуто! Я просто проверял датчики вибрации. Если твой процессор снова начнёт паниковать из-за микроколебаний, я лично перепрошлю тебя на будильник с кукушкой!

«Уровень стресса инженера Данилова повышен на восемнадцать процентов,» — промурлыкала Люси. — «Сергей, температура вашего тела тридцать семь и один. Автомат питания в кают-компании только что сформировал свежие порции. Рекомендуется сделать перерыв.»

— Вот! Учитесь у Люси, — ухмыльнулся Сергей, вытирая пальцы. — Заботливая система. В отличие от некоторых басовитых ворчунов.

В этот момент в отсек тихо вошёл Йен. Высокий, сутулый, с вечно растрёпанными светлыми волосами, которые он нервно взъерошивал, когда думал. Длинные тонкие пальцы сжимали прозрачный планшет, а голубые глаза за толстыми стёклами очков смотрели с вечной, слегка растерянной серьёзностью.

— Кэт, я тут нашёл нестыковку в расчётах... — начал было он, но не успел продолжить.

Дверь отсека с шипением отъехала, и внутрь влетела Жюли. Миниатюрная, гибкая, с короткой стрижкой пикси, тёмные волосы пушились после душа. Огромные зелёные глаза сияли. В руках она осторожно держала две керамические чашки с дымящимся кофе.

— Кэт! Ты не представляешь! — воскликнула она, протягивая подруге чашку. — Твои сырники! Они пропали!

Кэт удивлённо подняла брови, принимая кофе:

— Как пропали?

— Мой муж их сожрал! — Жюли звонко рассмеялась, и этот смех разнёсся по холодному металлу отсека, делая его на мгновение почти тёплым. — Я пришла в каюту, а контейнер пустой! Франсуа сидел на кровати, облизывается и говорит: «Какие-то странные у тебя новые синтетические завтраки, очень вкусные, но маловато». Я говорю: «Это не синтетика, это сырники!» А он говорит: «Ну, я думал, ты мне оставила». И лёг спать!

Кэт притворно нахмурилась, но глаза её смеялись:

— Вот значит как. Я старалась, пекла, а твой муж просто всё сожрал...

— Ну а я и не знала! — Жюли всё ещё смеялась, отпивая кофе. — Если бы знала, я бы его прибила. А теперь, если честно, я бы с удовольствием съела твои сырники. Хоть сейчас!

— Тогда договорились, — улыбнулась Кэт. — Как-нибудь испеку ещё.

Она не знала, что это обещание никогда не сбудется. Что через несколько часов сырники, смех и утро станут воспоминанием, к которому они будут возвращаться в абсолютной Тьме, где время не течёт.

Но пока — на станции было утро.

Йен, не поднимая головы от планшета, бросил скептически:

— Интересно, а согласно законам физики, сырники могут просто исчезнуть из закрытого контейнера? Или это какой-то новый вид квантовой телепортации?

— Йен, у тебя совсем чувства юмора нет, — прыснула Жюли.

— Чувство юмора — это не научный подход, — парировал Йен, но в уголках его губ мелькнула тень улыбки.

— Лу, иди сюда, твой муж опять занудствует! — крикнула Жюли в коридор.

Луиза вошла почти сразу — рыжие волнистые волосы мягкими волнами спадали на плечи, веснушки на носу и щеках ярко выделялись на бледной коже. В руках она держала небольшую оправу очков.

— Йен, ты опять забыл свои очки, — мягко сказала она, подходя к мужу и аккуратно надевая их ему на нос.

— Спасибо, Лу... — тихо пробормотал Йен, на секунду прижавшись щекой к её ладони. — Константы плавают. Мы подаём резонанс на Бур, а отклик идёт с задержкой в три миллисекунды. Словно сам пласт Времени уплотняется перед проколом.

— Константы подождут, — Луиза поцеловала его в висок. — Дай людям допить кофе.

— Кэт, представляешь, что мне сегодня приснилось? — неожиданно бросил Сергей, вытирая руки о ветошь.

— Нет, Серёж, не представляю, — сказала Кэт, внимательно осматривая охлаждающий контур бура.

— Так ты послушай, тут никаких фильмов фантастических не надо. В общем, мне приснилось, что я плыву по космосу, вокруг тьма непроглядная, и вдруг — вспышка... А потом ты, Йен, Луиза, Купер — стоим и смотрим через панорамные окна нашей станции, как звезды зажигаются... — Сергей понизил голос, и в нём появилась странная, непривычная серьёзность. — И там, во сне, я чувствовал, что это уже было. Не как «приснилось». А как «вспомнил». Будто я уже стоял там, смотрел на эти звёзды, и знал, что мы — причина. И это было так реально, что я проснулся и проверил пульс.

— Это невозможно, — влез в разговор Йен, не поднимая головы от планшета. — Согласно законам физики, в космосе тебя бы расплющило гравитацией, вакуумом и ещё радиацией обожгло. И вообще, сны — это случайная активность нейронов.

— Йен, ну у тебя никакой фантазии, это же сон, — парировал Сергей. — Во сне никаких законов нет.

— У меня фантазия есть, но она ограничена законами этого мира, — продолжал Йен, задумчиво набирая что-то на экране.

— Какой ты нудный, Йен, как тебя Лу терпит...

— Лу терпит его замечательно, — засмеялась Луиза.

Купер, который как раз в этот момент распахнул дверь отсека, застыл на пороге, глядя на эту идиллию.

— Вы что, совсем тут все охренели?! — громко рявкнул он с порога, оглядывая присутствующих. — У меня из-за вашей вибрации полная труба! Я сижу, калибрую сверхчувствительный телескоп, с минуты на минуту в его обзор войдёт Ганимед, мне надо замеры сделать быстро! А у меня из-за вашей диагностики вся картинка в «пилу» превращается и чашка по столу пляшет, как на дискотеке!

Кэт подняла голову. Она смотрела на него — взъерошенного, злого, с сигаретой за ухом, с его вечным недовольством и дикими глазами. И в голове мелькнула мысль:

«Врезать бы тебе разводным ключом, болван бесчувственный».

Она слегка, едва уловимо улыбнулась. Никто этого не заметил. Кроме Сергея. Он, на секунду замешкавшись, перестал вытирать руки и задержал на ней взгляд — так долго, как позволяли приличия, а может, и чуть дольше. Но тут же уткнулся в свой механизм, делая вид, что проверяет крепления.

Ровно такой же лукавый, мальчишеский беспорядок в глазах она видела у него в их первую встречу — три года назад, когда только запущенную в эксплуатацию станцию «Юпитер-4» оснастили первым по-настоящему стабильным Буром, построенным с нуля, а не собранным из уцелевших частей нестабильного прототипа с Ио.

Купера тогда привезли транзитным челноком без предупреждения — с личным делом, больше похожим на приговор. «Систематическое нарушение дисциплины». «Инциденты на почве алкогольного опьянения». «Профессиональная непригодность к работе в тесном коллективе». Кэт, тогда ещё совсем молодой главный инженер, читала эти строчки и готовилась увидеть законченного маргинала.

Дверь шлюза открылась, и на палубу, пошатываясь, вывалился взъерошенный, небритый тип с разбитой губой — след прощального дебоша перед вылетом. Он оглядел встречающих мутным, но неожиданно ясным в самой глубине взглядом и ухмыльнулся:

— Ну здравствуй, ссылка. Надеюсь, тут хотя бы виски приличный найдётся — а то меня выслали в самую задницу системы фактически на сухую.

Кто-то из встречающих возмущённо ахнул. Кэт же, глядя на этого небритого, наглого, совершенно неуместного здесь человека, вдруг поймала себя на странной мысли: за всей пьяной бравадой в его глазах пряталось что-то узнаваемое — тот же лукавый, мальчишеский огонёк хулигана, который ищет неприятности не потому что зол, а потому что не знает, куда деть себя в мире, который его не понимает.

Именно этот взгляд, мелькнувший тогда на долю секунды сквозь похмельную муть, и ударил её прямо в сердце — необъяснимо, не вовремя, совершенно ей не свойственно. Кэт списала это на усталость после бессонной ночи запуска. Списывала так же и все три года после.

Купер ничего не заметил. Он продолжал орать:

— И вообще, что за балаган?! Вы тут чай распиваете, а этот златовласый Аполлон Кирк крутится у главного пульта с таким видом, будто собрался переписать Библию. Ребята, я планетолог, я привык к бурям и радиации. Но когда Кирк начинает улыбаться так, будто нашёл грааль — мне хочется проверить, где лежит ближайший скафандр и где аварийный люк.

— Кирк... — Жюли передёрнула плечами. — Красивый, а смотришь на него — и мурашки по коже, и волосы дыбом на спине.

Купер уже открыл рот, чтобы хохотнуть и сказать что-то про «волосы на спине», но в этот момент стены отсека вспыхнули алой аварийной подсветкой. Помехи наполнили воздух оглушительным взревом сирены, а обшивка завибрировала так, что чашка в руках Жюли едва не выскользнула на пол.

«Внимание! Экстренный запуск системы!» — прорезал вой сирены сухой резкий голос ИИ. — «Всем сотрудникам срочно покинуть буровой отсек! До пуска Бура осталось тридцать секунд! Двадцать девять... Двадцать восемь...»

Все на мгновение остоленели.

— Уходим! Быстро! — заорал Сергей, первым сорвавшись с места и бросившись к массивному гермозатвору.

Он ударил ладонью по сенсорной панели открытия, но та ответила лишь сухим металлическим треском и зажглась мёртвым красным светом.

— Чёрт, она закрыта! — Сергей изо всей силы дернул ручку ручного блокиратора, но створка даже не шелохнулась. — Кэт, тормозни Бур! Какого хрена, кто его запустил?!

Купер в два широких шага подлетел к блокиратору и врезался плечом в тяжёлый металл.

— Кэт, отменяй пуск! — рывкнул он, пока они с Сергеем вдвоём пытались сдвинуть мёртвую створку.

— Я не могу! — Кэт сбегала пальцами по сенсорной консоли управления, но экран лишь вспыхивал системными отказами. — У меня доступ заблокирован! Главный пульт перехватил управление!

«Двадцать секунд до подачи импульса,» — ровным, лишённым эмоций голосом отсчитывала автоматика. — «Нагнетание давления в резонансной камере.»

— Чёрт! Йен, помогай! — Сергей вцепился в рычаг ручного разблокиратора.

Йен подбежал к парням, бросив планшет прямо на пол, и вцепился в металл рукояти с другой стороны.

— Эх-х, навались, мужики! Давай! — командовал Сергей, от напряжения на его шее вздулись жилы.

Густая вибрация уже шла не по полу, а по самому воздуху, заставляя зубы дробно стучать. Жюли растерянно стояла посреди отсека, до белых костяшек сжимая обеими руками всё ту же керамическую кружку с остывающим кофе, будто это был единственный якорь в рушащемся мире. Луиза металась взглядом от мужа к панели управления, с ужасом осознавая, что ничем не может помочь.

«Десять секунд... Девять... Восемь...»

Глава 2. Точка резонанса

«Пять секунд... Четыре... Три...»

«Пуск!» — сухо оповестила система.

Стены инженерного отсека ухнули — будто прямо в центре помещения разорвалась басовая струна гигантских размеров. Вспышка слепящего ультрафиолетового света мгновенно выжгла сетчатку, и на мгновение мир стал чёрно-белым, а затем ослепительно-белым, лишённым теней и форм.

Следом пришла волна. Мощнейший энергетический толчок швырнул всех на металлический пол, будто гигантская невидимая рука сжала отсек в кулак и разжала.

Кэт ударилась грудью об угол консоли — воздух вышибло из лёгких единым, беззвучным выдохом. Она покатилась по переборке, оставляя на холодном металле след из смазки и собственной крови, судорожно хватая ртом воздух. В глазах плыли багровые круги.

Воздух в отсеке мгновенно стал тяжёлым, превратившись в раскалённый синеватый кисель, который невозможно было вдохнуть. Запах озона стоял такой, будто лёгкие до краёв наполнялись жидким током — он обжигал горло, проникал в кровь, заставлял дышать ртом, глотая металлическую горечь. Пространство вокруг них начало физически сминаться, как лист бумаги, который кто-то сжимает в кулаке.

Свет в отсеке захлебнулся. Аварийные лампы бились в конвульсиях, вырывая из темноты искажённые лица, летящие обломки пластика и стальные тени, которые не успевали за движениями.

Луиза закричала — дико, надрывно, корчась на полу и сжимая голову руками. Её рыжие волосы разметались по металлу, в них запутались осколки разбитых экранов. Гравитация всплывала и рушилась волнами, сдавливая виски с такой силой, будто череп зажали в гидравлические тиски. Она пыталась крикнуть ещё раз, но из горла вырвался только хрип.

Купер орал матом сквозь зубы — не от страха, а от ярости, которую не мог выплеснуть. Его распластало по полу, правая рука была вывернута под неестественным углом, средний палец, вывихнутый, торчал в сторону, будто сломанная кукла. Он пытался зацепиться хоть за что-то — за край стойки, за болт, за дышащий воздух, — но его швыряло из стороны в сторону, как щепку.

Жюли плакала, уткнувшись лицом в стиб локтя. Её любимая зелёная кружка, которую она так бережно держала, разлетелась вдребезги, и острые осколки керамики впились в ладонь, оставляя глубокие порезы. Но она даже не замечала этой боли — на фоне того, как плющило всё тело, как воздух выбивали из лёгких, как мир переставал быть миром, царапины казались неважными. Короткие тёмные волосы слиплись от пота, огромные зелёные глаза были закрыты, и она просто ждала, когда это закончится.

Йена рвало — прямо у контейнера, сухо и мучительно — от дикой, невыносимой морской болезни и сдвига пространства, который ломал привычные ориентиры. Голубые глаза за треснувшими очками были расширены, светлые растрёпанные волосы мокрыми прядями прилипли ко лбу. Он пытался удержать в голове хоть одну чёткую мысль, но пространство распалось на части, и вместе с ним распадалась математика, которая всегда была его опорой.

Сергей лежал на спине, тяжело дыша, его глаза были налиты кровью, в ушах звенело так, что он почти не слышал собственного голоса. Он полз. Несмотря на боль, на звон в ушах, на то, что каждая клетка тела кричала «остановись», он полз к ней — к Кэт, которая катилась по полу в нескольких метрах от него. Он сипел, пытаясь дотянуться до неё рукой:

— Кэт... Кэт-т-т... — прохрипел он, задыхаясь, но голос его утонул в грохоте.

В центре отсека над девятиметровым туловищем Бура свет закручивался в тугую вибрирующую спираль, похожую на рентгеновский снимок времени. Казалось, что Бур дышит —

пульсирует, сжимается и разжимается, выбрасывая волны энергии, от которых дрожала сама реальность.

Время застряло. Звук крика Купера растянулся в бесконечный, страшный, низкий гул, будто кто-то замедлил плёнку до предела. Механические часы на запястье Кэт забились с безумной частотой, сливаясь в сплошной металлический звон, который невозможно было отделить от треска ломающейся обшивки.

Кости трещали под давлением. Казалось, ещё мгновение — и их просто размажет по переборкам, превратив в тонкий слой органики на холодном металле. Кэт прижала подбородок к груди, хватая ртом раскалённый, пропитанный озоном воздух, закрыла глаза и сжалась в комок, готовая к тому, что их сейчас просто сотрёт в порошок.

И вдруг...

Хлоп.

Звук был похож на то, как схлопывается вакуумная упаковка — резкий, сухой, но почти беззвучный на фоне предшествующего ада.

Всё прекратилось в одну миллисекунду. Внезапно. Абсолютно.

Аварийная сирена заглохла на полуслове, оставив в ушах только звон. Вибрация исчезла, как будто кто-то выключил гигантский вибратор. Дикое давление, плющившее рёбра к полу, отпустило мгновенно, оставив после себя лишь звенящую, мёртвую тишину и тяжёлое, хриплое дыхание шести человек, лежащих на окровавленном и вымазанном маслом полу.

Первым очухался Купер. Он со свистом втянул в себя воздух — лёгкие горели, в горле стоял привкус крови и гари. Он согнулся от боли, придерживая вывихнутую руку, и с тихим, сильным ругательством попытался вправить палец обратно. Хрустнуло, он взвыл сквозь зубы, но рука встала на место — пусть и не полностью. Он повертел головой, оглядывая разгромленный отсек, и увидел недалеко от себя Кэт и Сергея. На мгновение задержал на них взгляд. Потом увидел, как Кэт пошевелилась, а Сергей пополз в её сторону. У него отлегло от сердца. Он перевёл взгляд на дымящийся блок панелей и хрипло бросил:

— Ну что, все живы? Хотя бы примерно?

Отсек выглядел так, словно здесь пронёсся ураган. В воздухе висела густая гарь от сгоревших плат, смешанная с запахом расплавленного пластика и озона. Несколько аварийных консолей у стены искрились, бросая короткие вспышки на залитый маслом пол. Красный свет аварийных ламп мигал неравномерно, создавая иллюзию, что отсек дышит.

У боковой стены со скрежетом и металлическим звоном шевельнулась грудa пластика и повреждённых кабелей. Это был ГОША. Его массивный, сварной корпус отшвырнуло ударом прямо в стойку с инструментами — теперь он лежал, заваленный обломками, а его оптический датчик на голове беспорядочно мигал красным, как аварийный маяк. Левая манипуляторная рука замерла под неестественным углом — вывихнута. Из груди доносился прерывистый, хриплый звук, похожий на попытку вдохнуть.

Рядом, уткнувшись лицом в пол, лежала Люси. Её изящное, обычно безупречное синтетическое тело пострадало сильно — из повреждённой обшивки на плече шёл тонкий сизый дымок, а вертикальная световая прорезь на лице мигала красным, переходя в синий и обратно. Она не двигалась.

— Ошибка... системного... контура... — проскрипел ГОША голосом, испускающим помехи, и попытался встать.

И тут же запустился процесс самовосстановления. Внутри корпусов андроидов тихо и часто зажужжали микроприводы. Металл со щелчками начал вставать на место: изогнутая рука ГОШИ с сухим треском выпрямилась, возвращаясь в нормальное положение, а на плече Люси повреждённый полимер буквально на глазах стал затягиваться и «зарастать», восстанавливая целостность за считанные секунды.

— Инициация саморемонта завершена, — произнесла Люси уже гораздо более ровным, бархатным голосом, поднимаясь с пола и с лёгким шелестом стряхивая с себя техническую пыль и мелкие осколки. Она повернула голову к экипажу, вертикальная прорезь на её лице загорелась ровным, диагностическим синим цветом. — Фиксирую повреждения биологических объектов. Требуется медицинская помощь. Рекомендую немедленно проверить дыхательные пути и остановить кровотечения.

Сергей тяжело перевернулся на бок, кашляя до слёз, и сел, обхватив гудящую голову. Перед глазами плыли тёмные пятна, в ушах звенело. Первым делом его мутный взгляд нашёл Кэт — она лежала в нескольких метрах, прижимая руку к груди.

— Кэт... Живая? Ты как? — голос его был хриплым, почти незнакомым.

— В порядке... кажется... — просипела она, поднимаясь на локтях. Её серо-голубые глаза были затуманены болью, на лбу выступила кровь из рассечённой брови. Грудину жгло от удара о консоль, во рту стоял стойкий металлический вкус крови — она прикусила язык в момент падения. Но кости, вроде, были целы. Она перевела взгляд на запястье — старые механические часы тихо тикали, удивительным образом выжив в этом аду.

Сергей облегчённо выдохнул, на секунду задержав на ней долгий взгляд — совсем не деловой, а личный, почти интимный — и лишь потом стал оглядывать остальных.

Кэт, преодолевая боль, бросилась к Жюли и Луизе. Жюли всё ещё сидела на полу, свернувшись калачиком, сжавшись в комок, будто пыталась стать меньше, чтобы её не заметили. Её трясло мелкой, неконтролируемой дрожью, из раненой ладони, иссечённой керамическими осколками, сочилась алая кровь, оставляя на полу тёмные капли. Она почти не дышала — только судорожно всхлипывала, пряча лицо в коленях.

Луиза сидела рядом с Йеном, прижимаясь к нему всем телом, её плечи вздрагивали от тихих, сдавленных рыданий. Йен, бледный как мел, тяжело дыша, пытался нащупать на полу слетевшие очки — руки его дрожали так, что он не мог ухватить тонкую оправу.

— Все целы? Кости целы?! — Кэт опустилась на колени перед Жюли, аккуратно, но твёрдо разжимая её сжатую ладонь. Под светом аварийных ламп блеснули глубокие порезы, из которых сочилась кровь. Кэт прижала к ране рукав своего комбинезона, надавливая, чтобы остановить кровотечение. — Люси! ГОША! Помогите с аптечкой! Йен, не вставай, резких движений не делай!

ГОША бесшумно, насколько это было возможно для его тяжелого сварного корпуса, двинулся к боковой нише, выдвигая медицинский отсек. Его янтарные датчики горели ровно, но в движениях чувствовалась тревога — он знал, что люди хрупче металла.

— Я... я в норме, — пробормотал Йен, наконец нащупав очки под контейнером. Одно стекло пошло паутиной трещин, оправа была погнута, но он всё равно нацепил их на нос. Светлые волосы, влажные от пота, упали на глаза, он не убрал их.

— Йен... почему? — Луиза сжала его рукав, подняв заплаканное, испуганное лицо. Её рыжие волосы спутались, веснушки на носу и щеках выделялись на бледной коже яркими пятнами. — Почему нас так плющило?! Ведь пуск Бура — это же обычная проверка, правда?! Что произошло?!

— Резонанс... — тихо ответил Йен, стирая пальцем пыль с треснувшего стекла очков. Его голос был тихим, почти безжизненным, но в нём слышалась та особенная, ледяная ясность, которая появлялась у него, когда математика сталкивалась с реальностью. — Стенки отсека рассчитаны на гашение такой энергии, но... снаружи. Внутри отсека при пуске не должно быть людей. Нас просто чуть не разорвало энергетическим взрывом. Мы — биологические объекты внутри герметичного контура, который не был спроектирован для нашего присутствия.

— Да неужели?! — Купер поднялся на ноги, шатаясь, как пьяный, и с силой пнул носком ботинка дымящийся блок панелей, который уже начал плавиться. — А мы тут, блин, просто

на экскурсию зашли! Нас чуть в атомный порошок не перетёрло! Кто запустил хрень, пока мы были внутри?!

Он хотел ещё что-то крикнуть, но осекся — боль в вывихнутой руке прострелила до плеча. Он прижал её к груди и стиснул зубы, закрывая глаза.

— ГОША! — Кэт повернулась к подходившему роботу, пока тот заканчивал юстировку оптических сенсоров. — Отсканируй станцию! Что с обшивкой? Где остальные сектора?!

ГОША на секунду замер, его янтарные датчики вспыхнули ровным синим светом, отправляя диагностические импульсы во внешние магистрали. Сервоприводы на его металлической шее тихо пощёлкивали, пока он пытался пробиться сквозь информационный шум, который сейчас, наверное, сводил с ума его алгоритмы.

Он замер. Свет датчиков погас.

— Сканирование невозможно, — сообщил ГОША плоским, лишённым прежней иронии голосом. — Ошибка позиционирования. Сектора Б, В и Главный мостик... не обнаружены. Диагностическая сеть не фиксирует их наличие.

В отсеке повисла тяжёлая, мёртвая тишина. Слышно было только тяжелое дыхание и редкое пощёлкивание остывающих контуров.

— В смысле... не обнаружены? — тихо переспросила Луиза, подняв заплаканное лицо. Глаза её расширились — в них мелькнул страх, который она пыталась скрыть.

— Переборки заблокированы в автоматическом режиме аварийной изоляции, — добавила Люси, помогая Сергею достать из боковой ниши медицинский комплект. Её голос был ровным, но в нём слышалась тревога — синтетическая, но оттого не менее реальная. — Все внешние контакты отрезаны. Мы изолированы от остальной станции.

Купер медленно подошёл к массивному гермозатвору и изо всей силы надавил на рычаг ручной разблокировки. Рычаг даже не шелохнулся — застыл как влитой. Тяжёлая стальная дверь, трёхслойная, бронированная, оставалась наглухо закрытой.

Купер несколько минут в молчании смотрел на мёртво застывшую дверь. Затем медленно залез в карман промасленного комбеза, достал смятую пачку и вытянул одну сигарету. Закуривать он не стал — автоматика отсека тут же удавила бы паршивым огнетушащим газом, который, судя по запаху, уже начал просачиваться в систему, — а просто молча вертел её в пальцах, разминая табак.

Пальцы слегка дрожали.

Наконец он тяжелым, обречённым движением сунул сигарету за ухо, опустил плечи и тихо, сокрушённо произнес:

— Твою-ю-ж мать...

Он прислонился лбом к холодному металлу двери и застыл. Глаза его были закрыты. Впервые за всё время на его лице не было иронии — только глухая, свинцовая усталость.

Буровой отсек превратился в герметичную ловушку. И никто из них не знал, что затаилось по ту сторону запёртого металла.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.